

В.А. Маклаков

**Власть и общественность на
закате старой России**

Том 1. Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.А. Маклаков**
Власть и общественность на закате старой России: Том 1. Часть 1 / В.А. Маклаков – М.: Книга по Требованию, 2013. – 122 с.

ISBN 978-5-458-54392-7

Один из лидеров партии кадетов, В.А.Маклаков соединил свои личные воспоминания с анализом политических процессов, происходивших в России в конце 19 - начале 20 века, с точки зрения их участника. Выпукло, образно показано зарождение гражданского общества в России, победы и неудачи в самовоспитании общества.

ISBN 978-5-458-54392-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

зѣбу, индивидуальнымъ правамъ, культъ всемогущества власти, подошли къ теперешней идеологіи «перманентной» гражданской войны.

Это естественнѣе, чѣмъ могло сначала казаться. Коммунизмъ предназначался не для Россіи. Онъ былъ зачатъ въ средѣ свободныхъ политическихъ странъ, съ законченнымъ капитализмомъ. Онъ былъ попыткою разрѣшить *для нихъ* социальный вопросъ. Намъ можно не знать, дѣйствительно ли капиталистическій строй сталъ въ нихъ помѣхой дальнѣйшей эволюціи общества, наступилъ ли капитализму конецъ, или настоящій кризисъ есть переходящее затрудненіе, изъ котораго выведетъ время? Для Россіи этого вопроса не существовало; коммунистическаго лѣченія *ей* не было нужно. Россія была еще отсталой страной, въ которой для коммунизма не было никакихъ предпосылокъ. Напротивъ. Идеи, которыя оказались уже бессильны въ Европѣ, были еще совершенно необходимы для подъема первобытной Россіи. Освобожденіе или какъ картинно выражались у насъ «раскрѣпощеніе» человѣка и общества, защита *личности* и ея правъ *противъ власти*, обезпеченіе за каждымъ его приобрѣтенныхъ правъ, было тѣмъ, чего до тѣхъ поръ не хватало Россіи. Всякій разъ, когда эти начала въ ней частично осуществлялись, начиналось ея быстрое оживленіе и подъемъ. Такъ было въ 60 годахъ, потомъ въ эпоху эфемерной конституціи 906 г., такъ было бы и послѣ Февральской Революціи 1917 г., если бы полное самоуправленіе не оказалось непосильнымъ для невоспитаннаго политически общества. Нельзя было, какъ тогда вообразили, вести прежнюю войну и переустраивать Россію на новыхъ началахъ, заставляя войско воевать и подрывать понятіе о дисциплинѣ. Реализмъ большевиковъ сказался въ томъ, что послѣ шестимѣсячнаго разложенія власти, они вновь ее создали, на старыхъ самодержавныхъ началахъ, даже съ суррогатомъ привычной «Монархіи», использовавъ для этого всю нашу отсталость и привычки стараго рабства. Но воссоздавъ реальную власть,

большевизмъ вмѣсто того, чтобы завершить раскрытіе общества, принялся калѣчить Россію во имя борьбы съ капиталомъ, съ буржуями и личной свободой. Благодаря этому онъ явился для Запада интереснымъ предвозвѣстникомъ «управляемой экономіи». Но для Россіи эта программа была шагомъ назадъ и насильственнымъ разореніемъ. «Управляемая экономія» въ Россіи не удалась не потому, что для нея не было «кадровъ», что администрація была невѣжественна, недобросовѣстна и продажна; а потому, что *никакой надобности* въ ней пока не было. Россіи было нужно проходить стадію естественной капиталистической эволюціи. Для нея прогрессъ былъ еще въ *этомъ*. Примѣры болѣе опытныхъ странъ могли намъ помочь избѣжать ея крайностей; но не могли насъ избавить отъ *этой стадіи*, отъ необходимости пройти ея долгую школу. Самодѣтельность была Россіи нужна, какъ молодому организму движеніе. Недаромъ всякое отступленіе отъ коммунизма тотчасъ давало въ большевистской Россіи благоприятные результаты. Ничтожная доля экономической свободы въ эпоху эфемернаго Нэпа дала недолгую иллюзію выздоровленія. Всякая страна страдаетъ отъ нововведеній, если они пришли слишкомъ рано. Это бывало въ старину съ отсталой Россіей; это же готовили ей либеральные реформаторы 1905 года, когда собирались наградить ее Учредительнымъ Собраніемъ, парламентаризмомъ и четырехвосткой. Но ни однопреждевременное «новое слово» не причинило ей столько вреда, какъ большевизмъ. Онъ сбиль Россію съ настоящей дороги, и надолго разрушилъ въ ней то, что въ ней естественнымъ путемъ росло цѣннаго и здороваго.

Потому признаніе большевизма Европой для насъ не поучительно. Оно даетъ лишь цѣну ея собственной прозорливости. Европейскій кризисъ въ *нашихъ* глазахъ не реабилитируетъ большевизма. Но зато заставляетъ насъ пересмотрѣть теперь наше старое отношеніе къ *русскому* Самодержавію.

Для моего поколѣнія проблема «Самодержавія» оказа-

лась въ центрѣ политической мысли. Мы начинали сознательно жить, когда Самодержавіе себя утвердило и какъ будто навсегда укрѣпилось. И при насъ же, въ зрѣлые годы, борьба съ нимъ стала *все покрывающимъ лозунгомъ*, отодвинула на задній планъ все остальное. Оно было обречено всѣми и безповоротно. Но теперешняя идеологія фашизма и диктатуръ реабилитируетъ Самодержавіе. Вѣдь и оно защищало полноту своей власти не для себя, а для того, чтобы ею служить интересамъ народа, всѣхъ состояній, классовъ и расъ, не завися отъ обладателей привилегій.

Дѣйствительность обыкновенно далека отъ идеала. Но 60-тые годы потому и оставили такой слѣдъ въ душѣ и въ исторіи, что Самодержавіе тогда показало себя на высотѣ такого призванія. Правда, задача, которая тогда стояла предъ нимъ, была легче тѣхъ, которыя послѣ войны возникли передъ старой цивилизаціей. Въ 60-ые годы Россіи было достаточно идти по протореннымъ путямъ, по которымъ раньше побѣдоносно пошли европейскія демократіи. Но вѣдь и для того, чтобы въ 60-хъ годахъ поставить Россію на *эту* дорогу, *нужно* было Самодержавіе. Тогдашній правящій классъ этихъ реформъ не хотѣлъ. Самодержавная власть провела ихъ противъ него и въ Государственномъ Совѣтѣ утверждала мнѣніе его *меньшинства*. Самодержавіе было нужно, чтобы мирнымъ путемъ эгоистичное сопротивление дворянства сломить. А если правда при этомъ, что самъ Александръ II по своимъ взглядамъ этихъ реформъ не хотѣлъ и былъ вынужденъ къ нимъ потому, что боялся движенія снизу, то это есть идейное оправданіе Самодержавія. Его было бы нельзя защищать, если бы политика его зависѣла только отъ личныхъ симпатій самого Самодержавца. Идеологи Самодержавія всегда утверждали, что его программа опредѣлялась не личнымъ капризомъ Монарха, а объективной необходимостью, что Самодержавіе не можетъ быть глухо къ народнымъ желаніямъ изъ одного чувства самосохраненія, которое неотъемлемо отъ Самодержавца. Если Але-

Александр II действительно сумел сломить не только крепостнический класс, но и свои личные предубеждения, то в глазах объективных людей, он этим не подорвал, а *укрепил* принцип Самодержавия. И шестидесятые годы, которые превозносили либерализм, были торжеством не только *его* представителей; они были и торжеством *Самодержавия*.

В этом быть может и было больше всего обаяние 60-х годов. Народолюбцы, отдавшие тогда себя на служение родному народу, могли не истощать своих сил в борьбе *против* власти. «Что можно противопоставить», писал Герцен, когда вместе «власть и свобода», образованное меньшинство и народ, *царская воля и общественное мнѣніе?*» Это — идеология Самодержавия. Современные фашистскія диктатуры стоят на той же позиціи и их сила в поддержкѣ их народными массами. Но и эти диктатуры потеряют свой *raison d'être*, когда они своей непосредственной цѣли достигнутъ. Ни диктатура, ни Самодержавіе не есть *нормальный* порядок и в эпохи *мирнаго*, т. е. здороваго развитія они вырождаются.

Нашему поколѣнію пришлось воочию увидѣть, — какъ миновала героическая пора Самодержавія; послѣ «Великихъ Реформъ» началась борьба Самодержавія съ обществомъ, и побѣда Самодержавія сдѣлалась началомъ его собственной гибели.

Творческій подъемъ Самодержавія 60-хъ годовъ и первое недовольство имъ в 70-хъ стоятъ за предѣлами моихъ личныхъ воспоминаній. Я смутно припоминаю послѣдніе годы Александра II; турецкую войну, турецкихъ плѣнныхъ на улицахъ, обѣдъ въ манежѣ въ честь вернувшихся солдатъ въ присутствіи Государя, котораго я увидалъ тогда въ первый и послѣдній разъ въ своей жизни; благодарственные

молебны послѣ покушеній, которыя сдѣлались «бытовымъ явленіемъ» этого времени и оцѣпенѣніе 1-го марта. Больше всего мнѣ запомнилось чтеніе въ церкви манифеста 29 апрѣля 81 года о Самодержавіи. Послѣ службы пришли сослуживцы отца и горячо между собой толковали. Г. И. Керцелли, управляющій хозяйственной частью больницы, сказали своимъ внушительнымъ тономъ: «когда священникъ началъ читать Манифестъ, я испугался; вдругъ это конституція»? Другіе съ нимъ стали спорить. Непонятная фраза Керцелли мнѣ очень понравилась. На другой день въ гимназій я ее отъ себя повторялъ, пока не былъ поставленъ надзирателемъ къ стѣнѣ, «за глупые разговоры». Потому этотъ эпизодъ мнѣ запомнился.

Такъ мое поколѣніе входило въ жизнь при самомъ началѣ «реакціи» 80-хъ годовъ. Мы ею дышали съ самаго дѣтства. Насъ она воспитала.

Послѣдствія всякой политики сказываются обыкновенно не скоро и потому сужденія потомства такъ отличаются отъ мнѣнія современниковъ. Царствованіе Александра III оказалось роковымъ для Россіи; оно направило Россію на путь, который подготовилъ позднѣйшую катастрофу. Мы это ясно видимъ *теперь*; тогда же по внѣшности это царствованіе казалось благополучнымъ. Выросъ престижъ Россіи, и Самодержавія, и самого Самодержца. Его личныя свойства мирили съ нимъ даже тѣхъ, кто его политику осуждалъ. Онъ казался не блестящимъ, не эффектнымъ, но скромнымъ, простымъ и преданнымъ *службой* своей родине. Это впечатлѣніе свои плоды принесло. Въ послѣдніе годы его короткаго царствованія всѣ были увѣрены, что онъ самодержавный режимъ укрѣпилъ и надолго.

Его царствованіе считалось эпохой «реакціи» и общества и правительства. Мы сами объ этомъ судить не могли, но старшіе въ томъ были единодушны. Одни съ негодованіемъ, другіе съ похвалой говорили, одни объ упадкѣ, другіе объ отрзвленіи общества. И то и другое было, конечно, но

это еще не «реакція». Кто пережилъ 1905 и 1917 г., поймутъ лучше шестидесятые. Переворотъ въ учрежденіяхъ и понятіяхъ, который произошелъ въ эпоху «Великихъ Реформъ» не могъ пройти безъ излишествъ. И тогда явилась вѣра въ наступленіе новыхъ «чудесъ», пропало сознаніе «невозможности». Такой подъемъ увлекателенъ. Онъ составлялъ ту «весну», о которой съ увлеченіемъ воспоминалъ Тимирязевъ. Но онъ долженъ былъ миновать, какъ проходитъ всякая весна, всякая страсть. Объ нихъ радостно вспоминать, но жить ими долго нельзя. У общественной жизни есть свои темны, и за слишкомъ быстрый скачокъ платятъ потомъ годами застоя.

Мы испытали такое же «успокоеніе» и «отрезвленіе» въ 1907—1914 годахъ, послѣ безумствъ 1905 и 1906 гг. Поскольку «реакція» старается вернуться назадъ, отрезвленіе 907—914 годовъ «реакціей» не было. Оно укрѣпило существованіе народнаго представительства, послужило успѣху реформы 1905 года. Людей, которые мечтали о возвращеніи къ старому, о реставраціи Самодержавія, за эти годы становилось все меньше. Потому настоящей *реакціей* это не было.

Была ли общественная реакція въ 80-хъ годахъ? Что отдѣльные люди, могли мечтать о возстановленіи до-реформенной жизни — возможно. Но такіе люди вымирали и не ими характеризовалось настроеніе общества. А общество назадъ не стремилось; всѣ понимали, что такой возвратъ никому *не подъ силу*. Курсъ, на который въ 60-хъ годахъ была поставлена Россія, казался для всѣхъ окончательнымъ. Объ немъ поэтому не было спора. Но за то общество помирилось съ тѣмъ, что дальше оно *не идетъ*, и не скоро увидитъ «увѣнчаніе зданія».

Я былъ слишкомъ молодъ, чтобы самому объ этомъ судить. Но нѣкоторыя наблюденія я и сейчасъ вспоминаю. Въ широкомъ обществѣ Самодержавіе еще хранило свое обаяніе. Не за реформы, которыя оно провело въ 60-хъ годахъ, а за то, что *олицетворяло* въ себѣ *народную мощь и величіе*

государства. Монархическія чувства въ народѣ были глубоко заложены. Недаромъ личность Николая I въ широкой средѣ обывателей не только не вызывала злобы, но была предметомъ благоговѣнія. Когда я студентомъ прочелъ «Былое и Думѣ», ненависть Герцена къ Николаю оказалась для меня «откровеніемъ». Я до тѣхъ поръ встрѣчалъ восхищеніе Николаемъ. «Это былъ *настоящій* Государь», говорили про него. Восхищались его ростомъ, силой, юсанкой, его «рыцарствомъ», его голосомъ, который во время команды былъ слышенъ по всѣмъ угламъ Театральной Площади. «Онъ и въ рубищѣ бы казался царемъ», фраза, которую много разъ въ дѣтствѣ я слышалъ. Добавляли: «ни у какого злодѣя на него не поднялась бы рука». Въ сравненіи съ нимъ Александръ II, несмотря на всѣ его заслуги передъ Россіей, терялъ личное обаяніе; а о простецкой скромной фигурѣ Александра III говорили скорѣй съ огорченіемъ. Даже тѣ анекдоты о Николаѣ, которые мое поколѣніе возмущали, какъ проявленіе самодурства, передавались среди обывателей съ національной «гордостью». Все это были пережитки старой эпохи. Слѣды рабства проходят не скоро. Они воскресли въ Совѣтской Россіи; они лежатъ въ основѣ мистическаго обожествленія — Ленина и постыднаго холопства передъ Сталинымъ.

Но при всей идеализаціи личности Николая, о *порядкахъ* его времени вспоминали со страхомъ; никто къ нимъ не хотѣлъ бы вернуться. Отъ царствованія его оставался въ памяти ужасъ. Разказы про времена Николая I съ дѣтства производили на меня впечатлѣніе того же кошмара, какъ разказы про татарское иго. Это время покрывалось опредѣленіемъ: «тогда была крѣпость». Несуществовавшее крѣпостное право въ моемъ дѣтскомъ воображеніи превращалось въ реальное представленіе «крѣпости» съ бапнями, бойницами, гарнизонами и часовыми. И я не могу представить себѣ, чтобы кто-нибудь въ эти 80-ые годы могъ серьезно желать не только возстановленія крѣпостничества, но возвра-

ценія къ прежнимъ судамъ, къ присутственнымъ мѣстамъ
временъ Ревизора и Мертвыхъ Душъ и т. д. Это кауло въ
вѣчность.

Нежеланіе возвратиться назадъ особенно чувствуется при
воспоминаніяхъ о тогдашнихъ «реакціонерахъ». Въ дѣт-
ствѣ мнѣ приходилось видать «крѣпостниковъ», и хотя я не
все понималъ, но много запомнилъ. Приведу два примѣра.

Въ числѣ близкихъ друзей нашей семьи былъ отставной
гусарь Левъ Ивановичъ Мичуринъ, жившій въ Рязанской
губерніи, но въ свои пріѣзды въ Москву бывавшій у насъ.
Лысый, съ окладистой, сѣдой бородой, съ носомъ крючкомъ
и живыми пронзительными глазами, онъ намъ, дѣтямъ, нра-
вился тѣмъ, что ходилъ въ поддевкѣ и говорилъ внуши-
тельнымъ голосомъ. Онъ былъ словоохотливъ и много расска-
зывалъ; изображалъ въ лицахъ свои приключенія, столкно-
венія то въ качествѣ земскаго гласнаго, то мирового судьи.
По его рассказамъ къ нему всѣ относились несправедливо,
а онъ всѣхъ побѣждалъ. Особенно отъ него доставалось ка-
кому-то Александру Ивановичу, съ которымъ онъ все время
сражался. Онъ хвалился, что много испортилъ крови ему и
что будто бы тотъ говорилъ: «никого я въ жизни не боялся,
а Льва Ивановича боюсь, очень боюсь». Когда я сталъ стар-
ше, я узналъ, что этотъ Мичуринъ былъ извѣстный далеко
за предѣлы Рязанской губерніи «реакціонеръ», неугомонный
скандалистъ Пронскаго уѣзда и Рязанскаго губернскаго зем-
ства, а что Александръ Ивановичъ былъ знаменитый либе-
ральный дѣятель А. И. Кошелевъ. Однако вотъ, что я все-
таки помню: этотъ реакціонеръ, издѣвавшійся надъ вся-
кимъ проявленіемъ «либерализма», возврата къ старинѣ не
хотѣлъ. Онъ самъ служилъ мировымъ судьей, былъ убѣ-
жденнымъ земцемъ и не было его пріѣзда къ намъ, чтобы
не начиналось споровъ о земствѣ, сословной волости, мел-
кой земской единицѣ и другихъ мнѣ непонятныхъ словахъ.
Онъ осуждалъ вовсе не мировой институтъ, тѣмъ болѣе не
земскія учрежденія, а только направленіе, которое въ нихъ

проявлялось; съ этимъ направлениемъ онъ боролся въ рамкахъ самихъ учреждений и на замѣну ихъ стариной никогда бы не согласился. Скажу и другое: онъ былъ страстнымъ сельскимъ хозяиномъ. Я слыхалъ его разговоры про трудность вести теперь хозяйство, про споры съ крестьянами. Онъ много разъ утверждалъ, что все было легче при крѣпостныхъ и что самимъ крѣпостнымъ тогда жилось лучше. По младенчеству я его однажды спросилъ: зачѣмъ же тогда крѣпостныхъ уничтожили? Этотъ крѣпостникъ мнѣ отвѣтилъ: «тебѣ объ этомъ рано рассказывать; только вотъ что запомни: сейчасъ всѣмъ стало гораздо труднѣе, чѣмъ прежде, а слава Богу, что прежняго нѣтъ. И всегда молись за этого Государя; что теперь плохо, въ этомъ виноваты мы сами». Эти слова я запомнилъ болѣе всего потому, что тогда ихъ не понималъ. И такимъ «крѣпостникомъ» былъ онъ не одинъ.

Кажется черезъ Л. И. Мичурину мы познакомились съ другой извѣстной семьей — Кисловскими. У нихъ былъ домъ въ Неаполимовскомъ переулкѣ съ громаднымъ садомъ, которые въ это время еще кое-гдѣ сохранялись въ Москвѣ. У стариковъ Кисловскихъ было нѣсколько дѣтей; они всѣ были старше насъ и близости домами не завязалось. Мичуринъ объ этомъ жалѣлъ и всегда ихъ расхваливалъ. Но послѣ смерти Кисловскаго, когда я былъ гимназистомъ, знакомство съ Кисловскими возобновилось. Къ намъ часто сталъ ѣздить младшій сынъ Левъ Львовичъ въ красивой формѣ гусара. Онъ разъ упросилъ отпустить меня къ нему въ деревню. Въ его имѣнii, Рязанской губернии, былъ, какъ неслалось, барскій домъ съ громаднымъ дворомъ передъ подъѣздомъ и густымъ садомъ за домомъ; масса службъ на дворѣ. Жила тамъ его мать вмѣстѣ съ двумя дочерьми; онъ самъ велъ хозяйство, которымъ увлекался со страстью. Имѣние было громадное, во много тысячъ десятинъ и очень доходное. Л. Л. Кисловскій былъ превосходный наѣздникъ и мы цѣлыми днями верхомъ объѣзжали его лѣса, хутора,

прошляри дѣлениковъ и управляющихъ. Вездѣ быть образцовый порядокъ. Кисловскій все зналъ, во все входилъ, вѣбмъ распорядился. Но какъ ни малъ былъ я тогда, мнѣмъ мнѣ очень не нравилось. Встрѣтивъ крестьянина, который передъ нимъ шапки не снялъ, Кисловскій осыпалъ его грубою бранью, а мнѣ старался внушать, что этого требуетъ вѣжливость. Я спрашивалъ, какъ же онъ можетъ заставить передъ собой скидывать шапку, и онъ объяснилъ, что всѣ мужики у него на арендѣ, и что грубияновъ къ своей землѣ онъ не допуститъ. Этого мало. Много крестьянъ приходило въ контору по дѣлу аренды. Они на дворѣ стояли безъ шапокъ, даже когда Кисловскаго не было. Онъ разъяснилъ, что на барскомъ дворѣ они надѣвать шапокъ *не смѣютъ*. Разъ мы проѣзжали верхомъ мимо развалившагоса барскаго дома, стоявшаго на очень красивомъ пригоркѣ. Я спросилъ его: «почему дома не поправляютъ»? У Кисловскаго вырвалась фраза: «да потому, что отпустили скотовъ на свободу». Казалось дальше идти было нельзя. Это былъ настоящій озлобленный пессимистическій крѣпостникъ. Но вотъ другая сторона этого дѣла. Тотъ же Кисловскій увлекался хозяйствомъ, техническими его улучшениями, достигнутыми въ немъ результатами, которыми гордился и хвастался. Онъ мнѣ внушалъ, что всякій образованный человекъ въ Россіи долженъ заниматься хозяйствомъ, что именно *это* настоящее дѣло, что сельское хозяйство непочатый уголь для улучшеній, и не разъ добавлялъ, что даровой крѣпостной трудъ помѣщиковъ избаловалъ и, что только послѣ освобожденія всякій человекъ можетъ показать, *чего* онъ дѣйствительно стоитъ. Это здоровое пониманіе, несомнѣстимое съ желаніемъ «реставраціи», уживалось въ немъ съ дворянской спесью, съ презрѣніемъ къ мужику, на котораго онъ смотрѣлъ такъ, какъ новопроизведенный заносчивый офицеръ смотритъ иногда на солдатъ. Не идеализація старыхъ порядковъ, а высококомѣрное отношеніе къ бѣднымъ и слабымъ, самомнѣніе и самовлюбленность опредѣляли его